

Вырезка из газет

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

от 25 СЕН. 1941

Москва

Газета №

КОГДА БЫЮТ ЗЕНИТКИ...

ВЫДЕРЖКА
И РАДУШИЕ
АРТИСТОВ

...В зале царило то веселое оживление, которое здесь устанавливается всегда, когда зритель в хороших и славных героях пьесы видит себя, узнает чистые свои переживания и лучшие свои чувства. В следующей, последней, картине уже должны были развязаться все «узлы» личных судеб героев лирической пьесы Виктора Лусева «Весна в Москве». Зритель уже предвкушал...

Но 23 сентября, как раз в тот момент, когда в Театре революции в предпоследней картине опустился занавес, — в служебных помещениях раздался сигнал воздушной тревоги. Фашистские стервятники делали очередную попытку прорваться к Москве.

Это был, если не ошибаюсь, первый в осеннем сезоне случай, когда воздушная тревога застала московского зрителя в театре.

О тревоге было объявлено со сцены. У всех выходов и на всех лестницах стояли спокойные дежурные и направляли людей в нижнюю фойе и убежище. Ни малейшей паники. Никакой излишней торопливости. Служащие театра заботливо обеспечили всех стульями и диванами. А когда все вошло «в яремку» и по углам закурчала оживленная беседа, в фойе спустились скупщики и в этом времениgrim участники спектакля, и тут-то началось самое интересное.

В двух разных углах обширного театра одновременно родилась одна и та же мысль:

— Что же, мы так и проведем эти несколько часов, оставив без внимания наших зрителей? — наших друзей, товарищей, гостей? — Ведь они и спектакля-то не досмотрели...

Не успели актеры высказать эти свои чувства, как уже закалчивалась организация их выступления.

Вукально овалей было встречено заявление, что сейчас здесь, в фойе, среди зрителей, на импровизированной площадке будет сыграна последняя картина спектакля.

И вот кто-то кого-то торопит: «Дайте коврики из последней картины Агейченко!», кто-то устанавливает в углу электрорельеф-рефлектор, необходимый по ходу действия. Вот уже поставлен стол и принесены ставялки. Вот кто-то шутя выкрикивает: «Занавес пошел!»...

Зрители окружили актеров со всех сторон. «Мизансцены» никого не интересуют. У исполнителей и зрителей глаза блестя подлинным воодушевлением. Лауреат Сталинской премии А. Ханон, артисты М. Волкова, А. Полкина, В. Толмазов, И. Агейченко, Т. Соловьев, Т. Карпова и В. Бахаров по-настоящему весело, вадорно, темпераментно, что называется, «с открытой душой» играли веселую комедию о любовных перипетиях хороших московских людей в поэтическую московскую аэспу.

А после этого был еще концерт, который конферировал Афанасий Белов и в котором стихи Джамбула о Сталине заполнованно читал Г. Музалевский. Артисты В. Вахаров и А. Волгина живо и ярко разыграли занятую пьеску о «глубинных талантах» — о самородках русского народа.

Дело шло к одиннадцати часам. За стенами театра энергично ухали наши одительные зенитки. На чердаке театра дежурили посты ПВО. Директор театра заботливо проверял закуртки всех этажей старого здания. Администраторы зорко следили за происходящим внутри и вне театра. Актеры воодушевляли своих сограждан веселым искусством. А зритель черпал в этом искусстве, в этой организованности театра, в этой его заботливости тот душевный покой и ту бодрость духа, которые обязательны для всех нас, на каком бы участке борьбы нас ни застала великая отечественная война.

И. Крути.